

Д.П. Миллер

**Очерки из истории и юридического быта
старой Малороссии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
Д11

Д11 **Д.П. Миллер**
Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии / Д.П. Миллер – М.: Книга по Требованию, 2020. – 135 с.

ISBN 978-5-518-06803-2

ISBN 978-5-518-06803-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Украинскій народъ съ половины XVII столѣтія началъ новый періодъ своей исторіи отрицаніемъ аристократическаго порядка вещей, а черезъ 100 лѣтъ пришелъ къ полному подчиненію этому самому порядку. За эти 100 лѣтъ внутренняя жизнь малорусскаго общества проходила, можно сказать, совсѣмъ изолированно отъ внѣшнихъ воздѣйствій. Великая Россія вовсе не навязывала гетманщинѣ своего общественнаго строя. Скорѣе какъ разъ на оборотъ: были случаи, когда русское правительство опиралось на чернь, были случаи, когда оно брало на себя даже защиту этой черни отъ властолюбивыхъ притязаній командующаго класса. Передѣлывать малорусское общество на свой образецъ русское правительство стало только во второй половинѣ XVIII вѣка, когда само это общество успѣло уже организовать на крѣпостническій ладъ. Воздѣйствовать на малорусскія внутреннія отношенія Великороссія могла развѣ только примѣромъ своего внутренняго строя, но и этотъ примѣръ былъ примѣромъ только для тѣхъ, кто стоялъ на верху общественной лѣстницы, а для низшихъ слоевъ населенія, для посполства какого-нибудь Пирятина или Золотоноши, онъ былъ не видимъ и не понятенъ. Гораздо большее вліяніе должна была оказать аристократическая Польша. Она передала гетманщинѣ свои шляхетскія и крѣпостническія традиціи, свою культуру и, главнѣе всего, свои шляхетскіе законы.

Само собою понятно, что такого рода внѣшнихъ воздѣйствій недостаточно для того, чтобы среди общества, настроеннаго, по видимому, вполне демократически, вызвать къ жизни особый привилегированный, господствующій надъ массою, классъ. Зародился онъ самъ, безъ внѣшнихъ воздѣйствій, зародился, очевидно, потому, что въ самомъ этомъ обществѣ были условія, вызывающія его появленіе на свѣтъ. Какаѣ внѣ общества стоящая сила вызвала къ жизни „Чумазаго“? А между тѣмъ онъ родился, развился, окрѣпъ, покоряетъ подъ нозѣ и грозитъ. Малорусскій панъ, только что выбившійся изъ среды рядового козачества и всѣми правдами и неправдами умножающій свои прибитки,—это тотъ же „Чумазый“. Разница не въ типѣ, а въ окружающихъ его условіяхъ. Для пана они были много благо-

приятнѣе, чѣмъ для „Чумазиго“. „Чумазый“ долженъ выдерживать постоянную борьбу съ сословіемъ, которому онъ идетъ на смѣну; малорусскому пану тратить силу на такую борьбу не приходилось, потому что еще при козацкомъ батькѣ онъ купно съ другими сѣромахами, такими же точно, какими въ то время былъ онъ самъ, „загналъ ляшкивъ за Нѣманъ, за Вислу“, и съ тѣхъ поръ забылъ о нихъ думать. Противъ „Чумазаго“—законъ, запрещающій ему, по крайней мѣрѣ, юридически оформить свои владѣльческія отношенія къ закабаленному имъ люду; малорусскому пану, наоборотъ, законъ только благопріятствовалъ: разъ онъ фактически сталъ владѣльцемъ и рыцаремъ, такимъ же точно, какъ и его предмѣстникъ—урожденный шляхтичъ, его юридическія права должны стать тѣми же самыми, какими пользовался шляхтичъ. Это подтверждалъ ему и законъ, самый настоящій писанный законъ. Законъ, доставшійся малорусскому обществу отъ дореволюціоннаго періода, зналъ только одно сословіе, находившееся въ условіяхъ, сходныхъ съ условіями пана,—шляхетство, значитъ, и состояніе, пана не могло подойти подъ инныя нормы закона кромѣ тѣхъ, которыя установлены для шляхетства: другихъ нормъ не было. Къ тому же и толкователи закона были такіе же выбившіеся изъ толпы паны, и не въ ихъ интересѣ было толковать законъ въ невыгодную для себя сторону.

„Чумазый“—въ большинствѣ случаевъ только сила, но не власть.

Малорусскій панъ былъ самою настоящею властью,—властью, больше которой не бываетъ: онъ былъ и судья, и администраторъ, и военачальникъ. Правда, такую огромную власть давалъ ему свободный выборъ его же согражданъ, но вѣдь и „Чумазый“, если попадаетъ въ „излюбленные люди“, то попадаетъ только по свободному выбору. Причины, почему свободный выборъ останавливается на такихъ именно типахъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ совершенно одинаковы.

Если ограничиться только указанными условіями, то и тогда нельзя не признать ихъ крайне благопріятными для выдѣленія надъ обществомъ особаго командующаго класса, а вѣдь кромѣ

указанныхъ условій были и другія, способствующія тому же процессу.

Процессъ совершался быстро. Мало по малу выдѣлившіеся изъ среды простаго козачества козацкіе начальники присваивали себѣ права настоящей шляхты. Къ концу перваго пятидесятилѣтія пореволюціоннаго періода мы застаемъ ихъ владѣльцами населенныхъ имѣній, имѣющими право на „належитое послушенство“ подданныхъ; они судятся шляхетскимъ правомъ, выбираютъ изъ своей среды урядниковъ на всѣ должности въ краѣ, не платятъ налоговъ и не несутъ общенародныхъ повинностей, ихъ дѣти пользуются особыми преимуществами по службѣ, а образованіе даетъ имъ возможность и по внѣшности, и по развитію превратиться въ особую породу, рѣзко отличную отъ рядового козачества и посполства.

Въ составъ новаго панства вошли многіе изъ удѣлѣвшихъ недобитковъ шляхетскаго происхожденія, вошли и великорусскіе дворяне изъ числа козацкихъ начальниковъ, получившихъ свою нобилитацію въ Москвѣ, тѣмъ не менѣе въ огромномъ большинствѣ командующій классъ не могъ имѣть никакихъ претензій на благородство. Да и не имѣлъ: ни шляхетствомъ, ни дворянствомъ онъ въ то время себя не называлъ, скромно оставляя для себя названіе старшины или знатнаго товариства, да и мудро было присваивать себѣ шляхетское званіе людямъ, простонародное происхожденіе которыхъ было у всѣхъ на виду. О малороссійскомъ шляхетствѣ не упоминало и само правительство: гетманскія статьи конца 17 и начала 18 столѣтій знаютъ только старшину, знатныхъ, начальныхъ или заслуженныхъ людей, знатныхъ козаковъ. О шляхтѣ въ Малороссіи въ то время совсѣмъ забыли.

Терминъ шляхетство вновь выплываетъ на свѣтъ только въ 18 в., когда на сцену выступило уже третье поколѣніе козацкой старшины; внуки тѣхъ сотниковъ и полковниковъ, которые когда-то прогнали изъ Украины настоящую гербованную шляхту.

Теперь замѣчаются уже попытки закрѣпить на законномъ основаніи этотъ терминъ за командующимъ классомъ. Составители „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“,

считали возможнымъ, кромѣ лицъ, имѣющихъ по дипломамъ и грамотамъ право на дворянское или шляхетское достоинство, признать шляхтой: старшину воинскаго всякаго званія, считая внизу отъ сотничаго до самыхъ высшихъ чиновъ малороссійскихъ, которые сами за свои службы пожалованы указомъ въ воинскіе чины или вольнымъ избраніемъ, по силѣ указовъ же оныя получили, затѣмъ дѣтей и потомковъ гетманскихъ, старшины генеральной, полковничьихъ и прочихъ знатныхъ чиновъ, людей малороссійскихъ даже до сотничьихъ и, наконецъ, всѣхъ тѣхъ, которые были и суть въ званіи бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей, вмѣстѣ съ ихъ потомствомъ.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ тверже становились права командующаго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ росли и его претензіи. Къ концу перваго столѣтія со времени народной революціи, упразднившей привилегіи, Малороссія готова была превратиться въ маленькую Польшу, управляемую классомъ, надѣленнымъ тѣми же самыми привилегіями, противъ которыхъ такъ энергично боролся малорусскій народъ въ пору революціи. Для того, чтобы этотъ классъ могъ превратиться въ настоящую шляхту, ему оставалось только возстановить старопляхетскія формы въ области управленія и суда, а затѣмъ получить и формальное признаніе своихъ шляхетскихъ правъ со стороны верховной власти. Возстановленіе формъ началось въ области судоустройства. 1670 году былъ преобразованъ генеральный судъ на манеръ стариннаго шляхетскаго трибунала, съ судьями-депутатами, выбираемыми отъ каждаго изъ 10 полковъ. Къ этому времени вполне созрѣваетъ среди командующаго класса мысль о необходимости возстановленія уничтоженныхъ революціей старопляхетскихъ институтовъ. Гетману подаются просьбы о возстановленіи въ Малороссіи судовъ „по точной силѣ правъ малороссійскихъ“, т. е. въ томъ видѣ, въ какомъ они установлены шляхетскимъ статутомъ¹⁾. На Глуховскомъ съѣздѣ 1763 г. раздаются уже жалобы на преобладаніе въ краѣ военной силы, вслѣдствіе чего права шляхетства оказались переведенными и изглаженными изъ памяти.

¹⁾ Архивъ Малор. Кол. № 3364.

„Гражданскія дѣла у насъ,—говорилъ одинъ изъ ораторовъ Глуховскаго съѣзда,—совсѣмъ не на такомъ основаніи, какими оныя были во время бытности нашей подъ республикою польскою и на какомъ мы приняты подъ державу російскую. Были у насъ суды земскіе, градскіе, подкоморскіе и прочіе къ содержанію правосудія и порядка учрежденные мѣста и чины, были у насъ сеймы или генеральныя рады, на которыхъ мы всѣ общія и важнѣйшія дѣла рѣшали, а новыя учрежденія дѣлали. Но гдѣ оныя нынѣ? Переведены и выглажены изъ памяти нашей, какъ будто ихъ никогда не бывало. Сіе произошло оттого, что умалилась власть и сила шляхетства нашего, а возросла и почти все себѣ присвоила воинская сила. Итакъ, надлежитъ намъ стараться, чтобы учредить всѣ тѣ чины и достоинства, которые управляютъ гражданскими дѣлами, на всемъ томъ основаніи, какъ повелѣваютъ права наши“...¹⁾).

На съѣздѣ 1763 года малорусскій командующій классъ рѣшительно высказывается въ пользу возвращенія къ дореволюціонному порядку, когда шляхта правила страной и законодательствовала на сеймахъ, а гетманъ и старшины только начальствовали надъ войскомъ.

Въ этомъ смыслѣ было составлено и прошеніе къ государынѣ, въ которомъ идеалы командующаго класса выставлялись, какъ самое законное право, установленное договоромъ Хмельницкаго.

Прошеніе царицѣ не дало никакихъ положительныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе ближайшимъ послѣдствіемъ Глуховскаго съѣзда было возстановленіе земскихъ, городскихъ и подкоморскихъ судовъ. Правда, суды эти были возстановлены не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ узаконено Статутомъ, но все же для командующаго класса это было замѣтнымъ шагомъ впередъ по пути къ осуществленію шляхетскихъ идеаловъ: подсудность статутнымъ шляхетскимъ судамъ и право избранія судей изъ среды своей давали новую опору его притязаніямъ на шляхетское достоинство. Съ этихъ поръ командующій классъ оконча-

¹⁾ „Кіев. Старина“ 1882 г. стр. 119—125.

тельно присваиваетъ себѣ наименованіе шляхетства: такъ называется онъ и въ оффиціальныхъ документахъ, подъ такимъ именемъ фигурируетъ онъ и въ собраніяхъ для выбора депутатовъ въ Екатерининскую комиссію 1767 г; какой-нибудь сотникъ или возный уже не участвуетъ въ собраніяхъ рядового товариства, а подписывается на шляхетскомъ наказѣ: онъ уже не козаекъ, а шляхтичъ. Въ Черниговскомъ наказѣ такіе сотники и возные уже жалуются на то, что имъ приходится судиться въ однихъ судахъ съ рядовыми козаками, и требуютъ для себя особаго шляхетскаго суда ¹⁾. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы вопросъ о томъ, кто именно имѣетъ право принадлежать къ шляхетству, былъ въ это время достаточно выясненнымъ. Составители „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“, считали шляхтой всѣхъ козачьихъ урядниковъ до сотника включительно, а также бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей. Къ шляхетству они причисляли также: „духовнаго чина персонъ, такожде бѣлыхъ священниковъ и діаконовъ съ ихъ потомками, по посвященіи ихъ рожденными; тѣхъ, которые, оставя римскій и другіе христіанскіе законы, приняли и принимать будутъ христіанскаго греко-россійскаго исповѣданія вѣру, потому жъ и ихъ потомковъ сей вѣры родившихся, и тѣхъ, которые изъ невѣрныхъ, а именно изъ жидовъ, турокъ и татаръ тую-жъ греческую вѣру и святое крещеніе приняли и принимать будутъ, и ихъ потомковъ по святомъ крещеніи рожденныхъ ²⁾. О принадлежности къ шляхетству рядовыхъ козаковъ такимъ образомъ уже въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія не было и рѣчи, а между тѣмъ оказывается, что даже въ 60-ые и 70-ые годы это былъ еще вопросъ спорный, и рѣшали его различно. Въ 1765 г. въ Гадячскомъ полку открыла свои дѣйствія комиссія генеральной ревизіи. Для веденія дѣла ей необходимо было имѣть свѣдѣнія о всѣхъ живущихъ на территоріи полка чиновникахъ и шляхетствѣ. Обратились, конечно, къ мѣстному полковому начальству. Начальство отвѣтило, но отвѣтило такъ,

¹⁾ Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общ. т. 68, стр. 234.

²⁾ Права, по котор. судится Мал. Нар. стр., 834—835.

какъ, повидимому, можно было отвѣтить только 50—60 лѣтъ назадъ. Ссылаясь на цѣлый рядъ артикуловъ, гетманскихъ статей и указовъ, полковая канцелярія доказывала, что шляхетствомъ должны быть признаны все козаки, даже и подпомощники, а также все духовенство съ его потомствомъ ¹⁾. Хотя такое обобщеніе и было по тому времени уже черезчуръ смѣлымъ, тѣмъ не менѣе распространеніе шляхетскихъ правъ на рядовыхъ козаковъ мы видимъ и въ другихъ случаяхъ. Не говоря уже о томъ, что рядовые козаки судились въ шляхетскихъ земскихъ судахъ. мы постоянно встрѣчаемъ ихъ въ качествѣ „сторонъ“ (понятыхъ) при возномъ, хотя по Статуту такого рода обязанности возлагались только на шляхту ²⁾. Въ избирательныхъ собраніяхъ 1763—1780 г. не рѣдко участвовали сотенные писари и старшины, т. е. лица, стоявшія на служебной лѣстницѣ гораздо ниже сотниковъ, конми, по мнѣнію составителей „Правъ“, долженъ былъ заканчиваться кругъ козацкихъ чиновъ, имѣющихъ право на шляхетское достоинство. ³⁾ Высшее краевое правительство этого времени жаловалось, что въ Малороссіи, „вовсе въ противность арт. 1 розд. 4 Статута, выбираютъ въ земскіе уряды и изъ людей козачьей и поселянской породы“ ⁴⁾. Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи былъ и вопросъ о шляхетскихъ правахъ духовенства. Мы видѣли уже, что составители „Правъ“ причисляли его къ шляхетству. За это былъ не только обычай, но, повидимому, и кой-какія законныя основанія. Не говоря уже о Статутѣ, равняющемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ духовенство съ шляхетствомъ, духовенство для подкрѣпленія своихъ притязаній ссылалось обыкновенно на указъ 1734 г., которымъ велѣно: „поповскихъ дѣтей, кои пожелаютъ Е. И. В. отправлять службу, опредѣлять для отправленія той службы въ значковые товарищи ⁵⁾, а значковые товарищи были уже членами командующаго класса, значитъ шляхетствомъ. На

¹⁾ „Собраніе рѣдкостей“, рукописный сборникъ бібліотеки Харьковск. унив., стр. 834—835.

²⁾ Архивъ Мал. Кол. №№ 3364 и 8821 и „Кіевск. Стар.“ 1884. № 1, стр. 694.

³⁾ Архивъ Мал. Кол. № 20639.

⁴⁾ Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. 43, стр. 218.

⁵⁾ „Кіевск. Стар.“ 1888 г., № 1, отд. 3, стр. 28—29.

практикѣ, однако, съ духовнымъ шляхетствомъ церемонились очень мало. Отъ того же 1734 г.,—въ которомъ состоялся благопріятный для духовенства указъ, до насъ дошло слезное прошеніе „велебному господину, ясне въ Богу преосвященному архіепископу Кіевскому, Галицкому и всея Малія Россія“, подписанное восемью глуховскими священниками съ протопопомъ и намѣстникомъ во главѣ. Въ немъ духовные шляхтичи жаловались: въ здѣшней Глуховской протопопіи многихъ священниковъ и вдовствующихъ попадей въ самыхъ малыхъ челобитческихъ дѣлахъ мимо духовное правленіе берутъ насильно въ ратушь Глуховскую, посылая за оными нарочныхъ съ инструкціями и противно указовъ, въ Св. Синодѣ состоявшихся, въ оной ратушѣ допрошуютъ и держатъ подъ карауломъ, отчего въ церквахъ святыхъ чинится въ надлежащемъ священнослуженіи упущеніе, а приходскимъ людямъ въ духовныхъ обрядахъ не малая трудность и бѣдствіе. Къ тому жъ посылаемые съ оной ратуши нарочные съ инструкціями въ насильномъ священниковъ взиманіи дѣлаютъ имъ поруганіе и безчестіе... Причетниковъ, дяковокъ, пономарей, поповскихъ дѣтей,—которые живутъ на отчизныхъ грунтахъ, положено въ общій посполитскій окладъ и велѣно высылать на линію, почему они должны были нанимать за себя другихъ ¹⁾... Тѣмъ не менѣе мы видимъ не рѣдкіе случаи признанія шляхетскихъ правъ и за духовенствомъ. Съ 1763 г. во время выборовъ по земству „духовные владѣльцы“ являлись такими же избирателями, какъ и прочее шляхетство. Со времени учрежденія Коллегіи избирательныя права духовныхъ, особенно „нижняго чина“, т. е. простыхъ поповъ и діаконовъ, подверглись сомнѣнію. По поводу однихъ выборовъ въ 1775 г. Малороссійская Коллегія издала даже указъ, коимъ участіе въ выборахъ нижнихъ чиновъ духовенства было признано не законнымъ. Однако, не смотря на такой взглядъ высшаго краеваго правительства, участіе духовенства въ шляхетскихъ выборахъ продолжалось до самаго введенія въ краѣ общерусскихъ порядковъ ²⁾. Нельзя сказать, чтобы среди самого командующаго класса

¹⁾ Архивъ Мал. Колл. № 30517.

²⁾ Архивъ Мал. Колл. № 3932; „Кіев. Стар.“, 1884, № 12, стр. 693.

царило єдинодушїе въ вопросѣ о шляхетскихъ правахъ всѣхъ членовъ этого класса. Въ разсматриваемый нами періодъ этотъ щекотливый вопросъ вызывалъ массу недоразумѣній и споровъ. Потомки гербованныхъ шляхтичей, припрятавшихъ въ оныя дни свои шляхетскіе документы, съ наступленіемъ лучшихъ временъ вытаскиваютъ ихъ на свѣтъ и съ особеннымъ удареніемъ подчеркиваютъ при каждомъ удобномъ случаѣ свое происхожденіе „не отъ здѣшной простонародной породы, а отъ благороднаго шляхетства полскаго“. Въ судебныхъ процессахъ того времени мы очень часто встрѣчаемъ такъ наз. „збиванье позву“ подъ предлогомъ сомнѣнія въ шляхетствѣ противника: какой-нибудь бунчуковый товарищъ отказывается отвѣчать по позву значковаго товарища, ссылаясь на то, что его противникъ не шляхтичъ, а мужичій сынъ¹⁾). По свидѣтельству Румянцева, при выборахъ депутатовъ въ комиссію для сочиненія новаго уложенія „не обошлось безъ того ни одно собраніе, чтобы кто либо въ началѣ онаго не всталъ, укоряя другого не быть шляхтичемъ, а таковой раздраженный имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина, или отъ жида“.

Какъ бы то ни было, ко времени прекращенія автономной жизни Малороссіи, ея командующій классъ достигъ почти всѣхъ тѣхъ правъ, коими обладало настоящее шляхетство. Правда, процессъ дифференціаціи его еще не закончился, рѣзкая демаркаціонная черта между какимъ-нибудь значковымъ товарищемъ и простымъ козакомъ или поповичемъ не была еще установлена, но она и не могла установиться сама собою, безъ особаго распоряженія свыше. Такое распоряженіе, узаконяющее результаты столѣтнихъ стараній, и было чаяніемъ командующаго класса. Ему, повидимому, предстояло два исхода: или возвратиться въ настоящую шляхту со всѣми ея политическими правами, или стать русскимъ дворянствомъ. Первое, конечно, было далеко заманчивѣе второго; не даромъ же такъ мечтали о сеймикахъ и сеймахъ члены глуховскаго съѣзда 1763 г. Но и теперь, какъ и во времена Вы-

¹⁾ Архивъ Мал. Колл. № 870.

говскаго, мечты оказались мечтами. За спиной у новаго малороссійскаго шляхетства стояла не Польша, а монархическая Россія. Поневолю приходилось предпочесть синицу журавлю. Къ тому же и созерцать этого журавля въ небѣ были способны далеко не всякій, а только избранные.

Нельзя сказать, чтобы состояніе русскаго дворянина было особенно заманчивымъ для лицъ, пользовавшихся шляхетскими правами. Ни въ 17 столѣтіи, когда дворянъ били батожемъ, ни потомъ, въ 18, когда ихъ отдали въ муштру къ нѣмецкимъ инструкторамъ и на всю жизнь запрягли въ государственное тягло, не видно со стороны украинцевъ большого желанія сопричаститься правамъ и обязанностямъ высшаго сословія имперіи. Даже въ первые годы Екатерининскаго правленія Малорусскій командующій классъ предпочиталъ свои права и преимущества правамъ русскаго дворянства. „Мы такіе имѣемъ законы, которые только вольный и благородный на свѣтѣ народъ имѣть можетъ“, восклицалъ въ 1763 году одинъ изъ ораторовъ глуховскаго съѣзда. „Когда малороссійскому шляхетству,—разсказываетъ А. И. Чапа,—сказали о сочиненныхъ новыхъ законахъ, изъ нихъ стародубовскіе и нѣжинскіе, опасаясь, повидимому, неосновательно, подвергнуться состоянію русскіхъ дворянъ, сочли за лучшее быть въ оковахъ, нежели согласиться на оныя“¹). Оно и не удивительно. Командующій классъ присваивалъ себѣ права шляхетства, а права эти были очень широки. Вспомнимъ хотя бы то краткое перечисленіе шляхетскихъ правъ и вольностей, какое сдѣлано было Г. Полетикой въ засѣданіи комиссіи для составленія проекта новаго уложенія: „1) Правленіе дѣлъ въ Малой Россіи по силѣ высочайшей государевой власти должно зависѣть отъ шляхетства; 2) шляхетство имѣетъ право устанавливать, отмѣнять и поправлять свои законы и просить государя о подтвержденіи оныхъ; 3) отъ шляхетства и другихъ тамошнихъ чиновъ зависятъ дѣла всякія, внутреннія учрежденія, какъ то наложеніе и снятіе податей и всякаго званія поборовъ и проч.; 4) въ тамошніе гражданскіе и воинскіе чины выбираются чинов-

¹ „Кіевск. Стар.“ 1893 г., № 1, стр. 54.